
ПОНЯТИЯ «НОРМАТИВНОСТЬ» И «КОНСТРУКТИВИЗМ» В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

А.А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090

В статье анализируются различные аспекты так называемой «проблемы нормативности» в современной социальной теории на примере современных философских концепций справедливости. Предлагается реконструкция существенных черт нормативного подхода и конструктивизма, а также взаимосвязь этих методологий в контексте социально-исторического процесса.

Ключевые слова: нормативность, конструктивизм, мораль, метаэтика, право, справедливость.

Наше поведение в обществе регулируется правилами и нормами — языковыми, моральными, правовыми. Неудивительно, что идея нормативности, природа норм и стандартов, механизмы их действия входят в сферу философского интереса. Специфика деонтической модальности, условия и механизмы обязывания и самообязывания, авторитетность нормы — все эти аспекты нередко формулируются в виде некоторой общей «проблемы нормативности».

Проблематичность нормативности во многом является следствием традиционного философского затруднения. Как известно, Д. Юм отмечал, что из суждений о фактах нельзя вывести суждения о нормах, из того что «есть», нельзя логически корректно перейти к тому, что «должно быть». Пропасть между тем, что есть, и тем, что должно быть, он считал серьезнейшей и непреодолимой методологической проблемой. «В каждой этической теории, — писал шотландский философ, — автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно: «есть» или «не есть», не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки «должно» или «не должно» [5. С. 618]. Эта подмена, по мнению Д. Юма, хотя и незаметна, но чрезвычайно важна, в частности потому, что способна опровергнуть все существующие этические системы.

Если логический переход от фактов к нормам невозможен, то возникает вопрос: на чем же тогда основываются нормы и предписания? Поиски ответов часто начинаются с обращения к праву, которое, на первый взгляд, представляет собой наиболее чистый и очевидный пример торжества нормативности.

Мы знаем и немало классических примеров общефилософского обсуждения подобных проблем. Вопросы о том, что делает закон законом, следует ли подчиняться несправедливому закону и им подобные активно обсуждаются на протяжении всей истории философии. На современном языке эта проблематика формулируется как поиск источников нормативности.

Сразу же следует сказать, что в наши дни область возможных ответов на эти вопросы довольно ограничена. Такие, например, ответы, как «божественный ав-

торитет», да и вообще любые ответы, содержащие ссылку на волю харизматичного законодателя, вряд ли будут восприняты как убедительные в современном светском и демократическом обществе.

Помимо проблем, связанных с поиском источников норм, существует и проблема их корректного применения. И это далеко не только и не столько проблема правоприменения. Так, В.Н. Карпович справедливо замечает, что «...проблема согласования норм и конкретных случаев в связи с обоснованием нормативных систем возникла в середине прошлого столетия вовсе не в моральных или других аксиологических контекстах, а наоборот, в эпистемических контекстах, в теории познания, при попытке обоснования законов логики» [3. С. 32].

Однако возможно еще более общее понимание проблемы нормативности, в рамках которого вообще любое философское исследование трактуется как поиск принципов, на основе которых сформулирована та или иная конкретная норма. Такой позиции придерживается, например, ученица Дж. Ролза, современный американский философ К. Корсгаард [6. С. 7—48]. По ее мнению, ответ на вечный вопрос «что такое философия?» может быть дан, если мы попытаемся понять усилия философов как попытку объяснить, почему то или иное нормативное утверждение является нормативным.

Идея заключается в том, что мы сталкиваемся с философскими проблемами только попадая в ситуации, в которых мы предположительно обязаны подчиняться той или иной норме. И до тех пор, пока мы неререфлективно подчиняемся или не подчиняемся этой норме, мы не вступаем в область философии. Но если мы хотим знать, действительно ли обязательна эта норма и почему она обязательна, т.е., хотим понять, как нам реагировать на ту или иную «нормативную проблему», нам нужен какой-то общий принцип. И попытка открыть, сформулировать или создать такой (предельно) общий принцип — это и есть философская работа. Таким образом, норма и наше отношение к ней являются механизмом, запускающим философскую рефлексию. Можно, конечно, усомниться в том, это ли было началом философии для великих метафизиков прошлого, но, по крайней мере, такая концепция философской работы выглядит достаточно правдоподобной в отношении современных философов, исследующих проблемы политики, права и морали.

Обсуждение исторических концепций норм не входит задачу данной статьи, можно лишь вкратце упомянуть о двух различных подходах к нормативности как таковой — в античной философии и немецком идеализме. В платонической традиции норма — некоторый неизменный принцип, парадигма. Норма связана с метафизической идеей блага. Открытием же немецкого идеализма стало понимание того, что нормы для того, чтобы они имели обязывающую силу, не могут быть совершенно внешними по отношению к субъекту. Любое нормативное требование должно быть пропущено через разум и чувства того субъекта, к которому оно обращено. Это различие важно, так как оно часто (хотя и в неявном виде) воспроизводится и в современных философских спорах, в частности о нормативном измерении справедливости. Различные подходы к пониманию нормы и нормотворчества можно заметить, например, в еще относительно недавно популярных

дискуссиях коммунитаристов и либералов — как о принципах и нормах справедливости, так и самой природе «деонтологического субъекта» [4].

Поиски источника нормативности — не самоцель, а попытка показать, что те моральные нормы и требования, которые предъявляются нам как индивидам, жителям социума, оправданы, и у нас есть серьезные основания им подчиняться. Кроме того, сам процесс формулирования норм — один из важнейших показателей нравственного прогресса или регресса человечества. Расширение области морально допустимого — лишь одна тенденция, характеризующая современное общество.

Но наряду с этим возникает и нетерпимость человечества к тем сторонам жизни, которые ранее считались приемлемыми. Определенное «сужение морали», нормотворчество, А. Бродский, например, также считает важнейшей стороной нравственного прогресса [1]. При этом моральные суждения обычно считаются как раз классическим видом нормативного суждения, они не только сообщают нам о том, каков мир (т.е. описывают его), но и говорят о том, каким он должен быть (т.е. нечто предписывают). Понятно, что в первую очередь эта предписывающая сила направлена на действия человека, причем эффективность предписания будет зависеть от многих факторов — в частности, от согласованности конкретных моральных предписаний с другими нормами, значимыми для индивида или общества. С философской точки зрения в первую очередь важна связь предписывающей силы таких высказываний с моральным суждением, моральной аргументацией.

Проблему можно считать «нормативной», когда речь идет о легитимности норм, претендующих на то, чтобы регулировать наше поведение в моральной и политической сфере.

Если иллюстрировать эту проблематику на примере современных философских концепций справедливости, то такая «нормативная» проблема встает перед индивидом в ситуации конфликта его обязательств по отношению к «ближним» (родственникам, друзьям, согражданам) и «дальним», т.е. всем тем, кто претендует на ресурсы «по праву беспристрастности».

Конечно, такая апелляция к беспристрастности редко осуществляется буквально, речь здесь идет о философском принципе, а реальные аргументы и требования в пользу перераспределения обязательств ведутся на другом, более понятном языке — чаще всего как требование права на некоторый гарантированный прожиточный минимум или права на достойную жизнь. При этом нормативность становится здесь проблемой лишь для тех, кто принимает ценность беспристрастности, т.е. эта проблема имеет субъективный характер. Таким образом, нормативная проблема имеет два аспекта: общий — необходимость поиска оснований и источников моральных норм вообще и частный — поиск содержания моральных, политических, правовых и иных обязательств.

Этот вопрос особенно актуален для сторонников беспристрастной морали и, соответственно, сторонников расширения границ действия соответствующих принципов и норм, а также границ наших взаимных обязательств. В этом случае «нормативный вопрос» становится более конкретным и формулируется как во-

прос о причинах, обязывающих или склоняющих нас в каждом конкретном случае предпочитать либо собственные интересы или интересы близких нам людей, либо интересы «дальних», но нуждающихся в справедливом распределении ресурсов самого разного рода.

Где же можно отыскать источники нормативности? К. Корсгаард предлагает несколько вариантов ответа [6]. Первый вид нормативности — правовой нормативизм, который иногда называют волюнтаризмом.

Аналогичное понимание нормативизма может быть связано и с религией. В рамках этого подхода норма понимается и воспринимается как требование чьей-то воли, которая имеет право повелевать или приказывать. Это может быть как божественная воля, так и воля политического суверена.

Вторая позиция — реализм, в рамках которой моральные принципы или формулировки являются обязывающими только в том случае, если они истинны, а истинны они только тогда, если существуют «моральные факты», которые они описывают. Трудности здесь, как известно, состоят в обнаружении и достижении общественного согласия относительно этих самих неоспоримых «моральных фактов». Причем это далеко не только проблема метаэтики, но и предмет содержательных размышлений. Так, например, в качестве примера такого объективного морального факта известный английский этик Ф. Фут приводит Холокост [8. Р. 32].

Третий возможный источник нормативности — рефлексивное одобрение, здесь норма принимается только в том случае, если она удовлетворяет определенным канонам рациональности или рациональным процедурам ее принятия.

Попытки показать, что правила морали выводимы из правил рациональности, бывают очень разные. В принципе, любое требование обоснования — это уже требование предъявить аргументы. Но от понимания рациональности зависит конкретная форма обоснования.

И, наконец, четвертая позиция — обоснование нормативности путем апелляции к автономии субъекта. Это, пожалуй, наиболее интересный случай: именно здесь нормативность сближается с конструктивизмом. Нормы не находятся во внешнем мире, а выводятся, создаются, конструируются человеческим разумом и волей на основе способности к автономному выбору или решению.

Вообще говоря, существуют два способа создания социальных теорий — их можно открывать, а можно конструировать. Для их описания воспользуемся реконструкцией Р. Дворкина применительно к различным моделям справедливости. Первая модель, которую он называет «натуральной», предполагает следующую философскую позицию: теории справедливости «...описывают объективную морально-этическую реальность; т.е. эти теории не создаются людьми или обществом, а, скорее, те их открывают, как открывают законы физики. Основной инструмент такого открытия — нравственная способность, присущая, по крайней мере, некоторым людям и позволяющая составлять в конкретных ситуациях интуитивные представления о политической морали, такие как интуитивное представление о несправедливости рабства» [2. С. 222].

Во второй модели, которую Дворкин называет «конструктивной», «...интуитивные представления о справедливости служат не материалом для догадок о су-

ществовании независимых принципов, а скорее, задают свойства общей теории, которую предстоит построить, подобно тому, как если бы скульптор задался целью изваять фигуру животного, как можно лучше согласовывая ее со случайно найденной им кучкой костей» [Там же. С. 222]. Эту модель автор сравнивает с одной из моделей разбирательства в области общего права. Здесь интуитивные моральные представления служат аналогом прецедентов в праве. Как и судья, который пытается найти такие нормы, которые бы, с одной стороны, позволяли обосновать имеющиеся прецеденты, и, с другой стороны, могли служить обоснованием будущих решений, так и философ в рамках этой модели не пытается открывать какие-то объективно существующие нормы морали, а формулирует правила, лучше всего согласующиеся с его представлениями о морально-этической реальности.

Дворкин далее делает вывод о том, что две эти модели служат двумя отправными точками для разработки теорий справедливости. «В натуральной модели, как мы могли бы сказать, интуитивные представления рассматриваются с позиции отдельного индивида, который придерживается этих представлений и который считает их наблюдениями, совершенными в морально-этической реальности. В конструктивной же модели те же интуитивные представления рассматриваются с более социально значимой позиции; эту модель можно было бы предложить для управления сообществом, в котором каждый индивид имеет прочные убеждения, отличающиеся, хотя и не сильно, от убеждений других членов сообщества» [Там же. С. 226].

Именно второй способ создания социальных теорий вообще, и теорий справедливости в частности, сближает их с философским нормативизмом, т.е. формулировкой принципов должного поведения, должного устройства социальных институтов и должных схем распределения. Понятно, что, перенося внимание на конструктивизм, понимаемый как стремление к нормативности этической и политической теории, мы часто вынуждены отвлекаться от многих факторов, которые либо не очень существенны для создаваемой конструкции, либо затрудняют построение элегантной теории.

Дж. Ролз, который, как известно, создание «реалистичной утопии» считал одной из основных целей политической философии [9. Р. 4], полагал при этом, что конструируемые социальные принципы и нормы (в частности, принципы справедливости) должны быть достижимы хотя бы при допущении максимально благоприятных обстоятельств. Вопрос заключается в том, о какой именно реалистичности мы говорим. Одно дело — ограничения человеческой природы, которые безусловно необходимо принимать во внимание (не случайно столько критики и насмешек вызвало знаменитое условие Дж. Ролза о том, что «справедливый индивид не должен страдать от зависти»). Совсем другое дело — существующие институциональные практики и ограничения, которые не должны сдерживать поиск оптимальных способов общественного устройства вообще и справедливого распределения в частности. При этом Дж. Ролз замечает, что в области политического действия границы возможного не определяются действительным, так как сама политическая действительность (в виде политических и социальных институтов) может подвергаться изменениям.

Смысл же политического конструктивизма определяется им следующим образом: «Принципы политической справедливости являются результатом процедуры конструирования, посредством которой рациональные индивиды (или их представители), при наличии разумных ограничений принимают принципы для регулирования базисной структуры общества» [10. Р. XXII].

Таким образом, уже на стадии формулирования проблемы явно или неявно определяется, какие именно характеристики ситуации являются значимыми для поведения индивидов. Именно здесь становится наиболее очевидной слабость предлагаемых нормативных теорий, так как факторов, которые влияют или могут повлиять на поведение людей, бесконечно много. Исключение, например, из описания ситуации выбора культурных и исторических традиций общества или группы вызывает вполне обоснованную критику и упреки в игнорировании именно тех черт ситуации, которые являются определяющими для выбора. Так, например, тот же «занавес неведения» Ролза исключает знание индивидами своих концепций блага, но это предполагает, что концепции блага незначимы для выработки принципов справедливости. Возражения вызывают не сами абстракции, а именно их идеализированные формы.

Если говорить о современных теориях справедливости, то О'Нил показывает, что в них принимаются предпосылки наличия у индивидов таких возможностей и способностей для осуществления «рационального выбора» и самостоятельного существования, которые явно недостижимы. Поэтому здесь мы имеем дело не просто с абстракцией, а с идеализацией [7. Р. 39—44].

И главная проблема, по ее мнению, состоит не в том, что при описании индивидов мы отвлекаемся от слишком большого числа присущих им характеристик, но в том, что мы добавляем слишком много таких черт, которые в действительности этим индивидам не присущи.

Контекст обоснования, включающий слишком сильные идеализации или слишком большое их количество, ведет и к серьезной проблеме методологического характера. Она заключается в следующем: что позволяет нам считать, что принимаемый контекст является именно искомым контекстом обоснования, например, концепций справедливости? Другими словами, как убедиться в том, что, оперируя с идеализациями, мы ограничиваем контекст обоснования именно этой сферой, а не формулируем моральные и политические нормы, которые должны будут регулировать наиболее существенные аспекты отношений между людьми, далеко выходящие за рамки справедливости? Требование нормативности моральных и политических теорий, таких как теории справедливости, порождает еще одну проблему, которая также требует решения в контексте обоснования. Дело в том, что нормы одновременно должны быть вписаны в контекст, только так они могут быть восприняты в качестве норм членами определенного сообщества. Но, с другой стороны, эти нормы должны служить некоторым стандартом, не обязательно всегда совпадающим с принятыми практиками. Фактически это вопрос о допустимой степени абстрактности политической и этической теории, которая должна суметь избежать релятивизма, оставаясь в то же время значимой для конкретного морального и политического сообщества.

Идея конструирования, строительства, созидания оказалась очень популярной в философской литературе XX в. Причем самые интересные следствия получались не тогда, когда конструктивизм понимался только лишь как констатация того, что любой сложный объект представляет собой некоторую физическую или логическую конструкцию, состоящую из нескольких более простых частей, а при таком понимании конструктивизма, когда он трактуется как реализация творческих потенций человеческого разума. В общем случае конструктивизм обычно противопоставляется реализму, который понимается как система утверждений о том, что определенные факты или свойства объектов являются характеристиками мира и не должны поэтому конструироваться из каких-то других элементов.

Довод в пользу конструктивизма сводится к тому, что такой подход к формулировке моральных и политических принципов и в частности, принципов справедливости, является наилучшим выражением нашей человеческой автономии. Мы сами, свободно и автономно, выбираем цели, расставляем ценностные приоритеты, придаем легитимность нормам и принципам.

Второе декларируемое преимущество конструктивистского подхода заключается в том, что он претендует на то, чтобы обеспечить объективность моральных суждений, одновременно предлагая обоснования тех моральных суждений, которые и формулируются в процессе конструирования. Это, пожалуй, и вызывает наибольшие сомнения. Претензии возникают не к самой процедуре построения, а к попытке заранее объявить получаемые результаты объективными, хотя понятно, что в любом случае они сильно зависят от исходных субъективных предположений исследователя. Тем не менее, тесная связь идеи нормативности с конструктивистским подходом часто позволяет добиваться плодотворных результатов — как в области методологии, так и в отношении конкретных решений, касающихся распределения материальных и нематериальных ресурсов, компенсации факторов, «не значимых с моральной точки зрения», схем устройства базовых социальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бродский А.И. Нормативная этика. От объективизма к конструктивизму // Этическая мысль: Ежегодник. РАН. Ин-т философии / Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М., 2000.
- [2] Дворкин Р. О правах всерьез. — М., 2004.
- [3] Карпович В.Н. Рефлексивное равновесие и пределы социальной ответственности // Вестник НГУ. Серия «Философия». — 2005. — Т. 3. — Вып. 1.
- [4] Современный либерализм. — М., 1998.
- [5] Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2 т. — М., 1965. — Т. 1.
- [6] Korsgaard C.M. The Sources of Normativity. — Cambridge University Press, 1996; Oxford: Clarendon Press, 2002.
- [7] O'Neill S. Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World. — N.Y.: State University of New York Press, 1997.
- [8] Foot Ph. Moral Dilemmas and Other Topics in Moral Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- [9] Rawls J. Justice as Fairness. A Restatement. — Harvard University Press, 2001.
- [10] Rawls J. Political Liberalism. — N.Y.: Columbia University Press, 1996.

NORMATIVITY AND CONSTRUCTIVISM IN SOCIAL THEORY

A.A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law
Nikolaev str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090

The article focuses on various aspects of the «normativity problem» in social theory in the context of modern philosophical conceptions of justice. It offers an analysis of the constitutive features of the normative and constructivist approaches, as well as connections between these methodologies.

Key words: normativity, constructivism, justice, law.